

10. Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А. Физическая география СССР. – М. «Географгиз», 1962. – 476 с.
11. Гиrometeorология и гидрохимия морей СССР. Том IV . Черное море 2-ой выпуск. Под редакцией профессора Симонова А.И. – Санкт-Петербург: Гидрометеоздат, 1992.
12. Возовик Ю.И. О повторяемости событий в процессе развития ландшафтов во времени. В сб. «Вопросы географии». Сб №79. – М.: Главная редакция географической литературы, 1970. – С.5–14.
13. Богуславский И.А. Методы навигации и управления по неполной статистической информации. – М., «Машиностроение», 1970.
14. Холопцев А. В. Сперанская Ю.Ю. Влияние индекса Северо- Атлантического колебания на климатические условия юго- восточного Крыма. В с.б. трудов XI всеукраинской научно- технической конференции «Проблемы охраны труда и техногенно- экологической безопасности». – Севастополь. 2006. – С.20–23.
15. Холопцев А. В., Рябченко Е. А. Опасные метеорологические явления в Крыму и солнечная активность. Сборник научных трудов СНИЯЭиП . – Севастополь: СНИЯЭиП, 2004. – Вып.11. – С. 148–153.
16. Сизов А.А. Изменчивость гидрометеорологических полей в районе Черного моря в разные фазы 11 – летнего цикла солнечной активности // Метеорология и гидрология. – 2000. – №10. – С. 85–92.
17. Zadeh L.A., Desoer C.A. Linear System Theory, Mc Graw-Hill. N.Y., 1963, p.374.
18. Бусленко Н.П. Моделирование сложных систем. – М.: «Наука», 1968. – 560 с.
19. Математические основы современной радиоэлектроники. Под. ред. Л.С. Гуткина. – М. «Сов. Радио», 1968. – 396 с.
20. Линник Ю.В. Метод наименьших квадратов и основы теории обработки наблюдений. – М.: Физматгиз, 1962. – 240 с.
21. Гельфанд И.М. Лекции по линейной алгебре, изд. 4-е. – М., Изд-во «Наука», 1971. – 420 с.
22. Градштейн И.С., Рыжик И.М. Таблицы интегралов, сумм, рядов и произведений. – М., Физматгиз, 1962. – 780 с.
23. Ли Р. Оптимальные оценки, определение характеристик и управление. – М.: «Наука», 1966. – 386 с.
24. Melsa J.L., Shultz D.G. Linear Control Systems, Mc Graw-Hill. N.Y., 1969, ch5.

### **Шевчук А.Г. МЕТОД ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА**

Одной из характерных черт развития постсоветских стран в последнее десятилетие стало повышение роли регионального уровня анализа общественных процессов, которые формируются (или сформировались) на территориях некогда обширного централизованного государства. Это закономерное явление, поскольку развитие международной системы государств, и в первую очередь параллельные процессы глобализации и регионализации международных отношений, получают своё логическое завершение на более низких уровнях территориальной организации.

Значение регионального уровня исследований общественной динамики на постсоветском пространстве резко возросло после ликвидации конфронтационной модели международных отношений и усиления социокультурной конфликтности во внутри региональном развитии бывших советских республик. Обнаружились базисные процессы внутреннего регионального развития, способные существенно повлиять на стратегические приоритеты вновь образованных государств. В число таких процессов безусловно относятся и этноконфессиональные. Взаимодействуя с информационными, экономическими, демографическими, политическими, и другими общественными явлениями, этноконфессиональные процессы формируют благоприятный или осложненный фон для осуществления регионального управления.

*Целью* данной работы является выявление особенностей пространственного моделирования общественных процессов в этноконфессиональной системе региона для изучения возможностей стратегического управления ими.

Проблема этноконфессионального фактора как стратегически важного для анализа развития и управления регионом вполне осознана отечественным научным сообществом в целом и общественно- географическим сообществом, в частности. В среде географов появились оригинальные исследования Н.В.Багрова, Ю.Н.Гладкого, Д.Н.Замятина, В.Л.Каганского, Г.Д.Костинского, Н.Д.Пистуна, позволяющие проследить логику внедрения подхода, получившего наименование идиографического, т.е. основанного на понимании региона как «единства многообразий» [1, 2, 4, 6, 10, 11]. Упомянутые работы, по сути, обосновывают методологический смысл и методический аппарат исследования процесса управления региональным многообразием. В них регион трактуется как часть пространства, имеющая не только материально-объектное наполнение, но и как сущность, понятая феноменологически, т.е. в сопряжении познающего субъекта и объекта его познания. Иными словами, феноменологически понятая пространственность региона – это, по мнению Г.Д.Костинского, такая схема его исследования, которая предполагает учет не только «пространства телесных вещей», но и того, как формируется «пространство мысли» об этих вещах, «пространство процессов, взятых вместе с мыслью о них, с практикой», пространство смыслов [11, с.18]. Д.Н.Замятин определяет смысловое пространство в географии как пространство образов или целенаправленных и четко структурированных представлений, включающих наиболее яркие характеристики определенных территорий [5,7].

Процесс моделирования сложных общественных процессов, в число которых несомненно относятся этноконфессиональные, требует четкого формулирования целей создания подобной исследовательской кон-

струкции. Целеполагание придает пространственной модели стратегическую направленность, т.е. позволяет рассматривать модель как руководство к преобразованию, развитию, корректировке и в конечном результате, перспективному управлению исследуемой сущностью. В пространственном моделировании целеполагание сопоставимо с разработкой стратегии развития конкретной территории, чей объективный образ анализируется исследователем.

Стратегическое моделирование в географии получило название геостратегии. Как метод исследования пространственных явлений и процессов геостратегия появилась в военной географии XIX в. Её родоначальником считается один из первых российских геополитиков, ученый-статистик и военный деятель Д.А.Милютин. В своей работе «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики» (1846), он подчеркивает, что «стратегия должна обнимать все те разнородные соображения и данные, которые могут иметь влияние на ход войны» и «определять силу и могущество государства в военном отношении» [12, с.43]. Ученый считал, что геостратегия – это прежде всего, аналитика *современных* процессов и явлений, а не способ теоретизирования. Он предупреждал, что геостратегию нельзя понимать узко – только как способ анализа «военной силы». Военные силы, по мнению Д.А.Милютина, охватывают вообще все средства, которыми государство располагает для обеспечения своей внешней безопасности.

В XX в. смысл геостратегических исследований в географии и других областях знания претерпел существенную корректировку. В них усилилась междисциплинарная составляющая, а также системная организация стратегических работ.

В настоящее время стратегия мыслится большинством специалистов - негеографов как «методология по работе с неизвестным», которая позволяет «реально оптимизировать процессы управления будущим» [14, с.28;15, с.9-11].

В исследованиях политологов и экономистов процесс «оптимизации управления будущим», как правило, принимает черты виртуальной схемы, основные звенья которой направлены на работу с целым рядом «неизвестностей или неопределенностей», возникающих в обществе в процессе его эволюции [11, 15]. Преодоление неопределенностей мыслится как своеобразный план создания возможностей по адаптивному к ним различных общественных подсистем - политической, экономической, культурной и др. Такой принцип работы с неопределенностями получил наименование метода комплексных адаптивных систем [15]. Смысл этого метода заключается в том, что уменьшение роли неопределенности в общественных процессах достигается посредством такого форматирования будущего, в котором поддерживаются факторы, способствующие стабилизации, и уменьшается роль факторов, которые создают дестабилизацию. Конструирование такой стратегии обязательно опирается на постулат о том, что даже малое событие может иметь серьезные последствия для системы в целом.

Поскольку этноконфессиональные системы регионов имеют высокую степень неопределенности развития, можно предположить, что стратегию управления этим развитием следует выстраивать с применением метода комплексных адаптивных систем. Мы убеждены в том, что моделирование таких систем должно учитывать не только объективные особенности этноконфессиональной среды тех или иных регионов или местностей, но и специфические особенности их отражения в человеческом сознании. Иными словами, стратегия управления этноконфессиональными системами требует обязательного учета фактора образности, связанного с тем, какие представления (образы) об этих системах укоренились в информационном поле страны, региона или местности.

Конструирование стратегии – «это всегда борьба с противодействием, поскольку противодействие несет в себе больший объем неожиданности, чем действие» [14, с.35]. Геостратегия, в отличие от классической стратегии, используемой в военном деле, предполагает противодействие двух типов: пространственное (территориальное) и атрибутивное. Пространственное противодействие основано на непознании слабых и сильных сторон размещения элементов общественной системы по территории, их взаимосвязей и ориентаций. Атрибутивное противодействие предполагает наличие ярких, ключевых, нередко взаимоисключающих друг друга по смыслу представлений (образов) о реальной территории и процессах, происходящих на ней [5, 8, 16, 17].

По мнению Д.Н.Замятина, развитие специализированных географических пространств неотделимо от появления специфических образов этих пространств. «На определенный политико-, физико-, социально-, и экономико-географический субстрат, или базу данных, налагаются разнородные, иногда противоречащие друг другу политико-географические и геополитические представления – местного населения, военных, политических и государственных деятелей. При этом возникает сложная система политико-географических (геополитических) образов. Геополитические образы могут множиться, выступая в различных «ипостасях» и усложняя разработку единой политической стратегии» [6, с.16].

Таким образом, смысл геостратегического исследования этноконфессиональных систем заключается в создании такого алгоритма, который позволит адаптировать внутрисистемные процессы к условиям *реального* и *ментального* существования конкретного региона. Реальное существование предполагает по возможности бесконфликтное встраивание этноконфессиональных процессов в иные пространственные взаимодействия населения региона. Ментальное существование этноконфессиональных систем предполагает такую конструкцию адаптационной схемы внутрисистемных процессов, которая позволит учесть наличие образного противодействия политико-географической среды региона и будет нацелена на её эволюционную корректировку. К примеру, в случае появления у региона образа «конфликтной», «мятежной», «сепаратистской» территории схема его геостратегического развития должна включать систему противодействий, направленных на смягчение или преобразование этого образа.

Нам представляется, что алгоритм геостратегического моделирования конкретной этноконфессиональной ситуации в регионе должен состоять из трех блоков: *предпосылок, выбора, реализации* (см. рис.1.). Все три блока сориентированы на адаптацию этноконфессиональных процессов к условиям реальной политической, экономической, культурной, а также информационной среды региона.

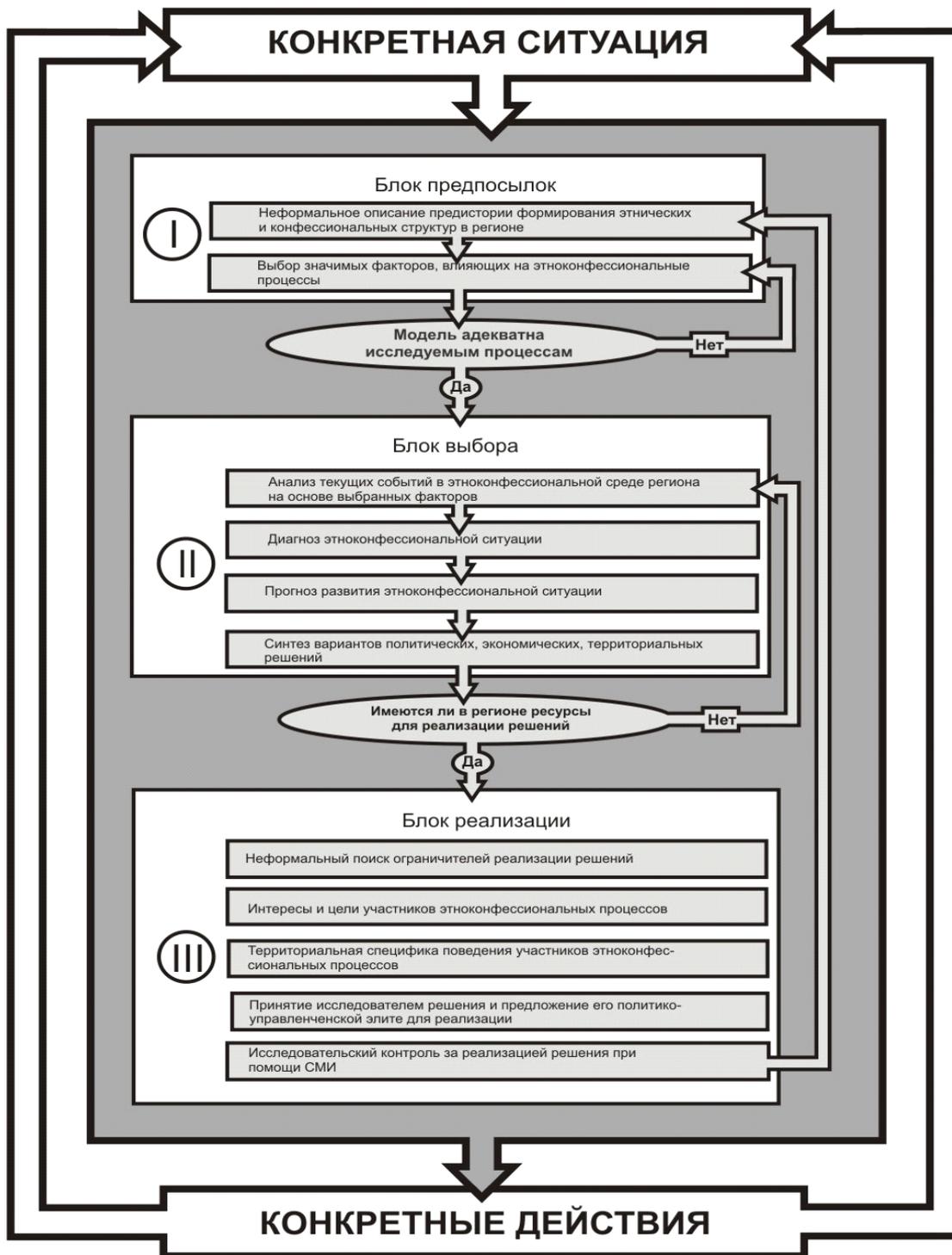


Рис.1. Алгоритм геостратегического моделирования этноконфессиональной ситуации в регионе.

В блоке предпосылок следует изучить все факторы, значимые для эволюционного развития этноконфессиональной системы региона, и определить степень адекватности их влияния на внутрисистемные процессы.

В случае доказательного моделирования взаимообусловленности формирования этноконфессиональных процессов в регионе рядом факторов, совершается переход к блоку выбора. Это блок диагностики и прогноза текущих событий в этноконфессиональной среде региона. В этом блоке исследователь проводит не только аналитическую, но и синтезирующую работу по выбору вариантов политических, экономических

и пространственных (размещенческих) решений относительно этноконфессиональной системы региона.

Для того, чтобы адаптировать эти решения к условиям конкретного региона, необходимо произвести оценку их ограничителей в *блоке реализации*. Этот блок предполагает исследование интересов и целей участников этноконфессиональных процессов, доведение принятых исследователем выводов о характере процессов и потенциальных ограничителях до политико-управленческой элиты региона, а также организацию исследовательского контроля за реализацией принятых решений при помощи средств массовой информации.

Итак, исследование процессов, возникающих в территориальных этноконфессиональных системах, возможно в рамках традиционных методов анализа, но предпочтительнее в сочетании с методиками пространственного моделирования и менеджмента. Одним из вариантов такого моделирования можно считать геостратегический. Поскольку этноконфессиональные системы регионов имеют высокую степень неопределенности развития, можно предположить, что разработка различных методических схем геостратегического моделирования позволит исследователям повысить степень объективности познания этноконфессиональных систем регионов. Эта проблема требует дополнительных усилий специалистов политологов, социологов, географов.

### Источники и литература

1. Багров Н.В. Региональная геополитика устойчивого развития. – К.: Лыбидь, 2002. – 256 с.
2. Багров Н.В. География в информационном мире. – К.: Лыбидь, 2005. – 184 с.
3. Василенко И.А. Геополитика: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 204 с.
4. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 384 с.
5. Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // [www.metal.antax.ru/library/economy/obraz\\_strani.htm?start=90](http://www.metal.antax.ru/library/economy/obraz_strani.htm?start=90)
6. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. – 2001. - №8. – С.12-21.
7. Замятин Д. Стратегия интерпретации историко-географических образов России // Отечественные записки. – 2002. - №6-7. – [www.strana-oz.ru](http://www.strana-oz.ru)
8. Исаченко Г.А. Образное восприятие в географическом познании мира // Известия РГО. – 2001. – Т.133. Вып.3. – С.24 – 33.
9. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
10. Костинский Г.Д. Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Серия географическая. – 1997. - №5. – С.16-31.
11. Марчук Е.К. Украина: новая парадигма прогресса. – К.: Аваллон, 2001. – 224 с.
12. Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики // Русский геополитический сборник. - 1996.- №2. – С.43-46.
13. Пістун М.Д., Олійник Я.Б., Балабанов Г.В. Конструктивна регіональна політика: суспільно-географічний аспект // Український географічний журнал. – 2000. - №1. - С. 3-9.
14. Почепцов Г.Г. Стратегический анализ: Стратегический анализ для политики, бизнеса и военного дела. – К.: Дзвін, 2004. – 333 с.
15. Почепцов Г.Г. Стратегия. Инструментарий по управлению будущим. - М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2005. – 384 с.
16. Стратегія розвитку України: теорія і практика / За ред.О.С.Власюка. – К.: НІСД, 2002. – 864 с.
17. Davis P.K. a.o. Adaptiveness in national defense: the basis of a new framework // [www.rand.org](http://www.rand.org).